

УДК 94(470.5 + 470.6) «17/19»

ИНСТИТУТ ЯСЫРСТВА У НОГАЙЦЕВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Айгуль Темерхановна Джумагулова

кандидат исторических наук,

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Российская Федерация

E-mail: aigul-men@mail.ru

А н н о т а ц и я

В настоящей статье проведен комплексный анализ трансформации института ясырства у ногайских групп во времена набеговой экономики на примере полоняников, захваченных ими в ходе военных столкновений в XVII–XIX вв., в контексте их интеграции в состав Российской империи. Автор доказывает, что в указанное время данный институт был системообразующим элементом жизни ногайских кочевых обществ, выполнявшим ключевые экономические, социальные и статусные функции. Ясырство являлось важной статьёй доходов ногайской знати, одной из основ хозяйства и маркером общественной стратификации.

Методологической основой исследования выступает теория культурных кодов экономики А.А. Аузана, позволившая интерпретировать институт ясырства как достаточно укоренившийся и рациональный в кочевых обществах во времена набеговой экономики и в рамках номадической системы в целом. В работе на основе исторических свидетельств и документов анализируется политика российского государства по искоренению работорговли в подвластных кочевых обществах, являвшаяся действенной мерой, направленной на укрепление безопасности и стабильности империи, повышение ее международного авторитета, в частности, среди соседних народов. Показано и доказано, что ликвидация ясырства стала болезненной «институциональной ломкой», затронувшей основы традиционного уклада кочевых народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что запрет ясырства анализируется как причина цивилизационного разрыва, непосредственно повлиявшая на дифференциацию путей развития ногайских групп. Для части из них, тесно связанных с практикой ясырства, утрата данного института стала, в том числе, одним из катализаторов массового исхода (мухаджирства) в Османскую империю, в то время как другая часть ногайских групп, перешедшая в административно-правовое поле Российской империи, смогла адаптироваться в новых жизненных реалиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Российская империя, ногайцы, кочевое общество, набеговая экономика, ясырство, работорговля, пленопродавство, социальная стратификация, мухаджирство, культурные коды экономики.

UDC 94(470.5 + 470.6) «17/19»

THE INSTITUTION OF YASYR AMONG THE NOGAIS: THE TRANSFORMATION OF NOMADIC SOCIETY IN THE IMPERIAL PERIOD

Aigul T. Dzhumagulova

Candidate of Historical Sciences

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

E-mail: aigul-men@mail.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the transformation of the yasyr institution (captives taken during military conflicts is a part of the raid-based economy) among the Nogai people during the 17th–19th centuries, within the context of their integration into the Russian Empire. The author demonstrates that yasyr was not merely a «vestige» but a fundamental element of nomadic society, performing key economic, social, and status functions. It served as an important source of income for the nobility, a foundation of the economy, and a marker of social stratification. The methodological basis of the research is A.A. Auzan's theory of cultural codes of economics, which allows interpreting yasyr as a rational institution within the nomadic system. The study traces the policy of the Russian Empire aimed at eradicating the slave trade, which was considered a measure to strengthen security and international authority. It is shown that the elimination of yasyr represented a painful «institutional breakdown» that affected the foundations of the traditional way of life. The scientific novelty of the research lies in analyzing the prohibition of yasyr as a cause of a civilizational rift that directly influenced the differentiation of development paths among Nogai societies. For some groups closely connected with this practice, the loss of the institution became a catalyst for mass exodus (Muhajirism) to the Ottoman Empire, while other groups managed to adapt to the new realities.

Key words

Russian Empire, Nogais, nomadic society, raid economy, yasyr, slave trade, captivity trade, social stratification, Muhajirism, cultural codes of the economy.

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция ногайских орд и обществ в административно-правовое поле Российской империи в XVII–XIX вв. инициировала сложный и многогранный процесс модернизации их традиционного уклада. В связи с этим исследование эволюции института ясырства, на протяжении длительного времени существовавшего в традиционной социальной структуре номадов, представляется чрезвычайно актуальным по нескольким причинам. Во-первых, работорговля была важнейшей статьёй доходов ногайской знати и существенным элементом хозяйственной жизни, тесно связанным с кочевым скотоводством и военной организацией, поэтому ее запрет и постепенное вытеснение со стороны российских властей напрямую затрагивали экономические основы ногайского общества. Во-вторых, ясырство как социальный институт играло ключевую роль в системе стратификации. Владение рабами, труд которых широко использовался в домашнем и кочевом хозяйстве, являлось маркером статуса в обществе. Ликвидация этого института неизбежно вела к ломке традиционной социальной иерархии и требовала поиска новых моделей социальных отношений. В-третьих, политика Российской империи по искоренению работорговли на Северном Кавказе и в Причерноморье была не просто внутренней мерой, но и важным дипломатическим шагом по укреплению международного авторитета России. Изучение данной проблемы позволяет рассмотреть взаимодействие центральной власти и кочевой периферии на стыке внутренней и внешней политики.

Объектом исследования выступает процесс интеграции ногайских обществ в административно-правовое пространство Российского государства в XVII–XIX вв.

Предметом исследования является институт ясыря в ногайском обществе (полоняники, захваченные в ходе военных столкновений во времена набеговой экономики в ее функции культурного кода номадизма — «пленопродавства»/ работорговли) и его трансформация в рассматриваемый нами исторический период под воздействием российской государственной политики.

Целью данной статьи является комплексный анализ трансформации института ясырства у ногайцев в XVII–XIX вв. и оценка его роли в изменении социальной структуры и хозяйственного уклада ногайского общества в процессе его интеграции в состав Российской империи, отчасти обусловившим глубину и противоречивость интеграционных процессов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой работы служит теория культурных кодов экономики доктора экономических наук А.А. Аузана (2025). Культура в рамках этого подхода понимается как система неформальных институтов, определяющих модели экономического поведения (Аузан, 2022). Понимание и использование подобного методологического подхода позволяет интерпретировать ясырь не как «варварский пережиток», а как рациональный в рамках кочевой системы институт, а его запрет — как болезненную «институциональную ломку». Также в исследовании применяются

историко-генетический метод для выявления причин устойчивости института ясыря и сравнительно-исторический метод для раскрытия и анализа форм и результатов взаимодействия кочевой и оседлой моделей.

Степень изученности проблемы. Отдельные аспекты истории, работорговли и политики России на Кавказе и Причерноморье освещались в трудах как дореволюционных (Рудаковский, 1861; Шамрай, 1907), так и современных исследователей (Аджиниязова, 2017; Великая, 2011; Виноградов, Клычников, 2001; Дударев, Дударев, 2016; Джумагулова, 2019; Жуков и др., 2021; Иноземцева, 2014; Кузьминов, 2018; Клычников, 2020; Ткаленко, Великая, 2022). Однако комплексное исследование института ясырства именно как системообразующего элемента ногайского общества, подвергавшегося целенаправленной трансформации в имперский период, остается еще недостаточно изученным.

Научная новизна исследования заключается в применении концепции культурных кодов к анализу истории ногайцев, что позволяет перевести анализ с военно-дипломатического уровня на системно-цивилизационный. Ясырь рассматривается не только как социально-экономический институт, но и как фундаментальный элемент культурного кода ногайского общества. Нами впервые показано, что разрушение института ясырства в ходе модернизационной политики Российской империи во многом предопределило дифференциацию путей развития ногайских обществ. Для одних ногайских групп, где институт ясырства постепенно утрачивал значение, его ликвидация не стала катализатором системных изменений и была компенсирована внутренней трансформацией. Для других ногайских обществ, сохранявших устойчивую связь с этой традиционной практикой, утрата ясыря стала сигналом цивилизационного разрыва и непосредственной причиной массового исхода в Османскую империю.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В XVII–XVIII вв. у ногайцев, как и у многих народов Северного Кавказа и Северного Причерноморья, существовали рабовладение и торговля людьми. Для кочевых ногайских орд набег был не «паразитизмом», а важнейшей хозяйственной стратегией, интегрированной в их образ жизни, выполнявшей двойную функцию: внутреннего ресурса (для ведения кочевого хозяйства и стабильного функционирования ногайской кочевой экономики) и внешнего ресурса (поставки «живого товара» для экспорта). Степняки чаще всего рабов привлекали в своем кочевом хозяйстве (пастьба скота, домашние работы, обработка земли в местах оседлости и пр.). Ногайцы широко практиковали поставку захваченных пленников на рынки Крыма (Кафа, Карасубазар) и далее в Османскую империю и Северо-Кавказские центры: Тамань, Анапа, Суджук-кале, Тарки, Дербент и др. (Жуков и др., 2021: 529–532). Цены на невольников были высокими: за мальчика могли дать 500 рублей, а за взрослого мужчину — до 1000 рублей. При покупке «живого товара» учитывались здоровье и выносливость раба, что интересно, в договорах по их продаже иногда прописывались гарантии, которыми продавцы обязывались вернуть деньги, если у купленного раба обнаруживалась болезнь (Аджиниязова, 2017: 176–177).

При этом проблема пленопродавства могла коснуться и самих ногайцев, так как они и сами не раз попадали в плен казацким и калмыцким войскам во время взаимных набегов. До запрета ясырства распространенной практикой являлись реципрокные набеги, когда захватывались люди и скот сопредельных территорий для последующего обмена на своих соплеменников (Жуков и др., 2021: 532–534). Следовательно, захват в рабство был не специфической чертой одного этноса, а общей негативной составляющей социально-экономических отношений региона (Дударев, Дударев, 2016; Иноземцева, 2014).

В социальной структуре ногайцев выделялись две категории рабов: 1) джолсызукулы (ясыри) — бесправные рабы, лишённые имущества и социальных прав; 2) джоллукулы — зависимые, имевшие некоторую имущественную самостоятельность (Аджиниязова, 2017: 177–178). Отдельную категорию по своему статусу составляли тарханы — отпущенные на волю холопы (ясыри). В отличие от рабов (ясырей) или зависимых членов общества (чагаров), тарханы были лично свободными. Они не могли быть вновь обращены в рабство. Также они могли владеть имуществом, включая скот и землю, освобождались от общей раскладки народных повинностей. Тарханы служили примером социального лифта в ногайском обществе. Их существование и данные им определенные права показывают, что невольничья система не была абсолютно жесткой, что путь от рабства к свободе и практически равному положению с азагами (основная масса свободного населения в ногайском обществе.), хотя и был, вероятно, трудным, все же был возможен (Джумагулова, 2019: 43).

Набеговый уклад являлся структурным элементом экономики и социально-политической организации Крымского ханства. Он обеспечивал не только прямые финансовые поступления от торговли невольниками, но и служил инструментом перераспределения ресурсов, позволяя правящей династии Гераев вознаграждать элиту и поддерживать лояльность вассальных группировок. Присутствие ногайских орд в политическом пространстве Крымского ханства в XVII–XVIII вв., оформленное в виде вассально-подданнических отношений, в значительной степени обусловлено их ключевой ролью в функционировании так называемой набеговой экономики. Ногайская конница, обладавшая высокой мобильностью и значительным военным потенциалом, выступала основной ударной силой в ходе систематических военных экспедиций, целью которых был захват «ясыря» — живого товара. Основной целью совершаемых набегов ногайских групп являлись «русские «украины», Кавказ и Речь Посполитая» (Жуков и др., 2021: 532–534). Ногайские орды, кочевавшие в Северном Причерноморье и на Кубанских территориях в XVII–70-х гг. XVIII вв., в силу своего военно-кочевого уклада представляли собой идеальный инструмент для ведения подобных операций (Жуков и др., 2021: 532–534).

Следовательно, сохранение ногайских орд в сфере влияния Бахчисарая было для крымских ханов вопросом стратегической важности. Вассалитет ногайцев носил характер взаимовыгодного политико-экономического симбиоза: ханская власть получала в свое распоряжение мощный военный ресурс для осуществления захватнических походов и контроля над степными пространствами, в то время как ногайская аристократия обеспечивала себе доступ к военной добыче, политическое покровительство и гарантии использования пастбищных угодий. Ослабление набеговой активности, обусловленное усилением Российской империи и строительством

оборонительных линий, подрывало экономические основы данного альянса и вело к эрозии вассальных связей между Крымским ханством и ногайскими ордами (Жуков и др., 2021: 532–534).

В середине XVIII в. хищнические покушения ногайцев на русские пределы стали предметом формальных дипломатических протестов со стороны российской администрации. В ответ Высокая Порта Османской империи, стремясь сохранить видимость соблюдения международных обязательств, была вынуждена официально сдерживать набеговую активность своих вассалов. Однако это внешнее сдерживание сопровождалось скрытым потворством все еще продолжавшихся набегов зависимых от них ногайцев, поскольку османские власти были заинтересованы в ослаблении русских рубежей. Турки, ранее открыто подстрекавшие ногайцев к набегам, теперь вынуждены были демонстрировать, хотя бы внешне, попытки обуздания их грабительских вторжений. Эта двойственная политика привела к частой смене крымских ханов, которые не всегда успешно балансировали между требованиями Стамбула и стихийной воинственностью кочевников. Подобная непоследовательность и противоречивость османской дипломатии наглядно иллюстрирует изменение международного статуса Порты и её сложные отношения с Россией (Смирнов, 1889: 187).

Примечательно, что местным османским администраторам и крымским ханам приходилось прилагать значительные усилия для убеждения номадов подчиниться воле султана. Для ногайцев авторитет центральной власти не являлся безусловным фактором сдерживания. Со временем и постепенно слабая вассальная зависимость ногайских беев и мурз от крымских ханов, исторически сформированная двойственной и непоследовательной политикой Стамбула, трансформировалась в их полную необузданность. Ногайские группы к середине XVIII в., осознавая постепенное ослабление османского влияния, становились все более дерзкими в своих требованиях, что провоцировало череду восстаний в империи, привело к системному кризису крымской власти. Произошедшее в это время обострение взаимоотношений ногайцев с Крымским ханством создало определенные предпосылки для их возвращения под российскую юрисдикцию. Ногайская элита находилась в то время в поисках новой для себя политической перспективы. В июне 1754 г. едисанский мурза Кутлу Акай Хаджи лично прибыл в Санкт-Петербург с прошением о переходе едисанских ногайцев, кочевавших между Очаковым и Днестром, в русское подданство (Джумагулова, 2019: 62). Сам факт данного обращения наглядно демонстрирует не только кризис османско-крымской системы управления, но и произошедшую стратегическую переориентацию ногайской элиты. Однако российское руководство, руководствуясь, прежде всего, соображениями внешнеполитической целесообразности и нежелания обострять отношения с Портой, отклонило просьбу ногайских мурз о переходе в подданство Российской империи. Тем не менее ногайцам для продвижения этого жизненно важного для себя вопроса была оставлена на перспективу недвусмысленная лазейка: им дипломатично дали понять, что они в случае начала новой русско-турецкой войны смогут рассчитывать на принятие под защиту Российской короны. На самом деле и по сути это было стратегическое обещание, которым решение вопроса подданства ногайцев откладывалось до наступления определенных обстоятельств и более благоприятного момента.

Такая возможность с получением ногайскими группами искомого российского подданства представилась с началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1770-х гг., воспользовавшись сложившейся к этому времени военно-политической обстановкой, практически все крупные ногайские орды (Едисанская и Буджакская в 1770 г.; Едишкульская и Джембойлукская в 1771 г.) осуществили массовый переход на сторону России (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1852. Л. 44-50). Надо сказать, что Российское государство, к его чести, было верно взятым на себя обязательствам по принятию кочевых ногайцев под свою защиту. Ногайские орды под покровительством русских войск и при активном содействии администрации князя Г.А. Потемкина были переселены на обширные территории в междуречье Дона и Кубани. Этот масштабный исход ногайцев с традиционных кочевий в Крымском ханстве и османских владениях на новые земли в Северном Причерноморье, контролируемые Россией, стал одним из ключевых геополитических итогов русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В результате этой военной баталии значительно ослаб военный и экономический потенциал Крымского ханства, так как оно лишилось основной кавалерийской силы в лице ногайцев, что позволило России закрепить за собой и начать активное освоение стратегически важных степных регионов (Юзефович, 1868: 26).

Последующие события, связанные с объявлением Крыма в 1774 году «вольным и независимым», окончательным принятием его в российское подданство по Манифесту Екатерины II 1783 г., ознаменовали начало нового этапа истории ногайцев под российским подданством. Ключевым элементом государственной политики России стало приведение кочевых орд к присяге на верность Российской империи (ПСЗРИ-I, 1830: 897). Этот административный акт, формально закрепивший статус ногайских племен как российских подданных, создал правовые основания Российскому государству для последовательной борьбы с еще сохранявшейся практикой пленопродавства на южных рубежах государства. Российская администрация теперь рассматривала данную порочную практику не только как угрозу безопасности империи, установленному правопорядку, но и как преступление против своих граждан и подданных.

После принятия российского подданства расселение ногайцев на южных рубежах страны приобрело сложный и динамичный характер. Часть ногайцев была официально размещена в Кавказской области, другая — в Таврической. Их перемещения на Северном Кавказе, в особенности в Закубанье, приобрели интенсивный характер. Миграции ногайских групп населения были связаны с поиском районов, благоприятных для ведения кочевого скотоводства, обусловлены земельными тяжбами с соседними народами и частыми нападениями со стороны горских обществ, сопровождавшиеся захватом людей и угоном в плен (Джумагулова, 2019: 92). В первую очередь именно угроза обращения в ясирей стала одной из ключевых причин, по которым ногайцы массово уходили с опасных территорий. Бегство часто носило массовый и организованный характер — так, только 22 мая 1803 г. на русскую сторону перешло 315 ногайцев. Как показывают акты, с 1793 г. по 1839 г. из Черкессии бежали или были выкуплены не менее 897 ногайцев. Анализ списков свидетельствует, что многие семьи были неполными: из 97 семей, перешедших в 1803 г., 24 ребенка воспитывал только один родитель, что указывает на гибель или пленение второго супруга.

Дети, как наиболее уязвимые, нередко становились «живым товаром» на невольничьих рынках (Magsumov et al., 2021: 99–100). «Живой товар» оставался ходовым ресурсом в трансграничной торговле и устойчивым явлением на южных границах России, а набеги — источником обогащения для части местной знати (Ткаленко, Великая, 2022: 201–205). Несмотря на тот факт, что ногайские группы страдали от набегов в первую очередь горцев, торговля невольниками оставалась для них устойчивейшей экономической практикой, что закономерно приводило к конфликту кочевых народов с российскими властями: «русские за данную разновидность «товара» преследовали и наказывали» (Великая, 2011: 37–39).

Российские власти, стремясь стабилизировать общественно-политическую обстановку на своих территориях, сочетали силовые и дипломатические методы. Главнокомандующий Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов предписал: «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство и ни под каким видом не возвращать» (Ткаленко, Великая, 2022: 204). В 1821 г. этот царский чиновник издал распоряжение, которым запрещал ногайцам приобретать новых ясырей и предписывал осуществлять любые сделки по продаже уже имеющихся только с санкции имперской администрации. Однако уже в 1823 г. после успешной военной операции в горных районах, в ходе которой было захвачено около двух тысяч пленных, командующий войсками на Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов санкционировал их продажу ногайцам по цене 150–200 руб. за человека. Данная мера, по сути, де-факто аннулировала предыдущие ограничения власти на работоторговлю, создав правовой прецедент. Ногайская знать незамедлительно, руководствуясь своими традиционными экономическими интересами, воспользовалась этой возможностью для приобретения новых ясырей (Кузьминов, 2018: 8).

В 1828 г. главноуправляющий на Кавказе генерал-адъютант И.Ф. Паскевич направил в Правительствующий Сенат рапорт, в котором поставил вопрос перед вышестоящим начальством: что делать с ясырями (рабами) на Кавказе? Данная проблема возникла из-за жалоб «азиатцев» на местные органы власти, которые, руководствуясь российскими законами, изымали у них ясырей (АКАК, 1878: 933–937). Еще раньше предшественник Паскевича на посту главноуправляющего генерал А. П. Ермолов поручил статскому советнику Реброву собрать подробные сведения о ясырях и представить предложения, согласующие местную практику с общероссийским законодательством. Для решения вопроса о ясырях была проведена большая подготовительная работа; окончательное решение по нему принял Областной Совет Кавказской области. Решение было компромиссным и носило дифференцированный характер, разделяло владельцев ясырей по конфессиональному и сословному признакам.

А) Для мусульманских народов (ногайцы, черкесы, осетины-мусульмане, кабардинцы, тухмены) сохранялось право владения ясырями, но вводилась регламентация и учитывались: 1) срочность службы (устанавливались фиксированные сроки службы в зависимости от возраста, по истечении которых ясырь получал свободу (от 25 лет для 5-летнего ребенка, до 5 лет для 40-50-летнего)); 2) условия содержания (владельцы обязаны были обеспечивать ясырей одеждой и пищей; жестокое обращение с ними каралось лишением права на владение ясырями); 3) регистрация и пошлина (акты купли-продажи ясырей регистрировались властями с уплатой пошлины в 10 руб. ассигнациями).

Б) Для христианского населения (грузины, армяне, крещенные осетины и др.) вводились следующие ограничения: 1) ясыри подлежали изъятию и освобождению, так как российское законодательство о крепостном праве не предоставляло им таких привилегий; 2) исключение составляли только для тех, кто мог представить законные дворянские документы, дающие право владеть крепостными. Кроме того, были отменены все долговые сделки, по которым в рабство были проданы члены собственных семей (дети, жены, сестры). На будущее для всех народов запрещалось само слово «ясырь» и разрешалось лишь выкупать пленных из-за границы с правом временного использования их в услужении (АКАК, 1878: 933–937).

Настоящие правила демонстрировали, что Российская империя на Кавказе не действовала просто запретами, а стремилась интегрировать местные традиции в своё правовое поле. Вместо мгновенной отмены рабства была выбрана тактика его постепенного выдавливания через ограничения и регламентацию (Виноградов, Клычников, 2001; Клычников, 2020). При этом имперская власть проводила четкую границу между мусульманскими и христианскими подданными, предоставляя первым существенные льготы и временные уступки, чтобы не вызывать острое недовольство среди них.

На основании правил, выработанных депутатами от местных народов, заключения генерала И.Ф. Паскевича Государственный Совет 17 мая 1835 г. утвердил постановление «об отношениях кавказских ясырей или холопов к их владельцам» (ПСЗРИ-II, 1836: 421–424). Данный законодательный акт, содержащий 23 пункта, детально регламентировал права и обязанности сторон, создавая правовые механизмы для поэтапной ликвидации института рабства. Однако указанное постановление, как и предыдущие попытки регулирования социальных отношений на Северном Кавказе, имело ограниченную эффективность. Как нам представляется, ключевой причиной его низкой действенности, являлось фундаментальное противоречие: на фоне сохранения в самой России крепостного права, представлявшего собой аналогичную форму зависимости, борьба с проявлениями рабства на национальных окраинах воспринималась местными элитами как избирательное и несправедливое применение к ним предложенных центральными властями правовых норм.

Проблема ясырства оставалась нерешенной и после выхода решения высшего законодательного органа империи, в частности, в ногайских группах населения, разнившихся по показателям наличия в них ясырей. Согласно официальной статистике 1840-х годов, доля ясырей в различных ногайских обществах была неоднородной. Так в Кавказской губернии в Калаусо-Саблинском и Бештово-Кумском приставстве при общей численности населения в 10006 душ насчитывалось 660 ясырей, тогда как в соседнем Калаусо-Джембойлукском приставстве (7546 душ) их число составляло лишь 41 человек. При этом в Караногайском приставстве (32678 душ) и Ачикулакском (11000) ясыри официально зарегистрированы не были (АКАК, 1881: 779; АКАК, 1885: 10). Аналогичная динамика наблюдалась и в Таврической губернии: если в начале XIX в. среди 34530 ногайцев числилось 240 ясырей, то к 1840-х гг., согласно отчетным данным, эта категория населения в регионе полностью исчезла. Вместе с тем, следует сказать, что статистические сведения о численности ногайского населения и принадлежавших им ясырей, собранные российскими властями в первой половине XIX в., не отличаются точностью и абсолютной достоверностью.

Примечательно, что рабам-христианам, бежавшим из плена и достигшим русских кордонов, властями предоставлялись свобода и защита. Поэтому многие рабы, желая обрести свободу, стали заявлять о своём обращении в христианство, даже если это не соответствовало действительности (Ткаленко, 2022: 267–268). Возможно, такие факты подвигли региональные власти к принятию в 1858 г. постановления, согласно которому все холопы и рабы, изъявившие готовность принять православие, подлежали освобождению от крепостной зависимости (Кузьминов, 2018: 9–10).

Главным и ключевым правовым основанием для освобождения зависимого населения южных регионов, включая ясырей у кочевых народов, стали Высочайший Манифест от 19 февраля 1861 г. и входящие в его поле 16 законодательных актов, создававших новую парадигму социально-правовых отношений подданных империи (Кузьминов, 2018: 11).

В ряде случаев освобождение ясырей осуществлялось через принятие добровольных приговоров местных обществ (в отличие от норм обычного права, предполагавших выкуп за освобождение), что демонстрирует поиск компромиссных форм реализации государственной реформы кочевыми обществами. В 1861 г. в результате деятельности мирового посредника Федоренко было освобождено 227 ясырей, принадлежавших «азиатцам», в том числе и ногайцам Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств; к марту 1862 г. ногайцы Караногай-Едишкульского приставства также освободили 300 холопов, мотивируя тем, что это следование воле императора (Шамрай, 1907: 250–255).

В рассматриваемый нами период Ногайская элита, столкнувшаяся с имперской политикой унификации правового пространства, оказалась перед стратегическим выбором: сохранить традиционные социальные институты или адаптироваться к новым реалиям. Цивилизационный выбор наиболее последовательно проявился в поддержке массового исхода (мухаджирства) в Османскую империю в 1850–1860-е гг. (Джумагулова, 2016: 123–127). Под знаменем этого движения значительная часть ногайских обществ отстаивала свою систему ценностей, центральное место в которой занимали владельческие права на ясырей, в которых ясырь выступал: 1) маркером социального статуса и стратификации внутри общества; 2) элементом хозяйственной автономии; 3) механизмом перераспределения ресурсов во внутренней и внешней экономике номадов, поддерживавшим коллективную идентичность. Меры, принятые российской администрацией — установление фиксированных сроков службы, государственная регистрация сделок, судебные механизмы освобождения, а в конечном итоге и полный запрет рабства, — воспринимались как прямое посягательство на их автономию, культурные нормы и основу материального благосостояния. Массовая эмиграция (мухаджирство) стала для ногайцев формой протеста в условиях имперской модернизации. Не желая интегрироваться в имперское правовое и социальное пространство, где их владельческие права более не признавались, а традиционный уклад подвергался процессам модерна, они выбирали переселение в Османскую империю, где подобные институты сохраняли легитимность. В связи с этим исход ногайцев в Турцию с Северного Кавказа и Северного Причерноморья можно рассматривать как трагический результат столкновения двух моделей: имперской, стремящейся к унификации и «цивилизаторской» миссии, и кочевой, отстаивавшей свою традиционную иерархию и ценности.

В этой связи примечательным представляется факт неучастия ногайцев Ачикулакского и Караногай-Едишкульского приставств в мухаджирстве. Они, в отличие от своих соплеменников, избравших исход, не усматривали в модернизации социальных отношений столь серьезной угрозы своей культурной идентичности. Вероятно, их адаптационная стратегия была основана на более гибком восприятии имперских преобразований и готовности к трансформации традиционного уклада в обмен на получение определенных гарантий со стороны государства. Данное обстоятельство указывает на внутреннюю неоднородность ногайских обществ и наличие в его среде различных моделей реагирования на вызовы модернизации. В то время как одни группы видели в некоторых проводимых преобразованиях угрозу фундаментальным основам своего существования, другие оказались способны интегрироваться в новые социально-экономические реалии без тотального разрушения культурного кода. Это различие в стратегиях выживания во многом предопределило дальнейшую историческую судьбу ногайского этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт ясырства у ногайцев в XVII–XIX вв. представлял собой сложный социокультурный феномен, глубоко интегрированный в экономическую организацию, социальную стратификацию и систему ценностей кочевого общества. На основе примененной в настоящем исследовании теории культурных кодов экономики А. А. Аузана приходим к выводу о том, что ясырь был не пережитком, а рациональным элементом номадической системы, обеспечивавшим перераспределение ресурсов и поддержание традиционной иерархии.

Политика Российской империи по искоренению работорговли, сочетавшая силовые методы, правовую регламентацию и компромиссы, была направлена на интеграцию кочевой периферии в унифицированное административно-правовое поле. Однако ликвидация ясырства воспринималась значительной частью ногайской элиты не как социально-экономическая реформа, а как угроза всей существовавшей системе социокультурных отношений. Это противоречие было одной из ключевых причин массового исхода (мухаджирства) в Османскую империю в 1850–1860-е гг., который стал своеобразной и жесткой формой протеста против имперской модернизации. В то же время дифференциация реакции ногайских обществ на запрет ясырства — от сопротивления и эмиграции до принятия нововведений — демонстрирует их внутреннюю неоднородность и существование различных стратегий взаимодействия с вызовами модернизации.

Таким образом, трансформация института ясырства выступила важным фактором, определившим глубину и противоречивость интеграционных процессов и самым непосредственным образом повлиявшим на дальнейшую историческую судьбу ногайского этноса.

Литература

Аджиниязова, А. К. (2017). Рабовладение и работорговля у ногайцев в XVIII–середины XIX вв. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 7(120). 175–179.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7 (1878). Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского. 994.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8 (1881). Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского. 1009.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9 (1885). Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского. 1013.

Аузан, А. А. (2022). *Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа.* М.: «АСТ».

Аузан, А. А. (2025). Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика.* 60(1). 3–18. DOI 10.55959/MSU0130-0105-660-1-1.

Великая, Е. В. (2011). Борьба российской администрации с работорговлей на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века. *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 10. 37–42.

Виноградов, В. Б., Клычников, Ю. Ю. (2001). К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. *Вопросы Северокавказской истории.* 6(1). 45–49.

Джумагулова, А. Т. (2016). Ногайские махаджиры (истоки, причины и обстоятельства переселения). *Ногайцы: XXI век история. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции.* Черкесск, 12–13 октября 2016 г. Черкесск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева. 121–128.

Джумагулова, А. Т. (2019). *Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII — 60-х гг. XIX вв.* Пятигорск: РИА-КМВ.

Договоры России с Востоком политические и торговые (1868) / собрал и издал Т. Юзефович. СПб.

Дударев, С. Л., Дударев, Д. С. (2016). К вопросу о некоторых формах личной зависимости у горцев Северного Кавказа в рамках функционирования пленновладельческого уклада в первой половине XIX в. *Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* Нижневартовск, 13–15 октября 2016 года. 157–160.

Жуков, В. Д., Рустемов, О. Д., Шейхумеров, А. А. (2021). Рабы и работорговля в Крымском ханстве. *История крымских татар: в 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 527–534.

Иноземцева, Е. И. (2014). *Институт рабства в феодальном Дагестане: очерки истории.* Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.

Клычников, Ю. Ю. (2020). Северокавказский «очаг» работорговли («пленопродавства»): к постановке проблемы. *Slavery: Theory and Practice.* 5(1). 4-18. DOI 10.13187/slave.2020.1.4.

Кузьминов, П. А. (2018). Социальная политика российского правительства на Северном Кавказе в XVIII–60-х годах XIX вв. *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.* 1(36). 7–14. DOI 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XXI. (1830). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. X. Отделение 1. (1836). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Рудаковский, А. О. (1861). О ясырях. *Санкт-Петербургские ведомости.* 235.

Смирнов, В. Д. (1889). Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты, до присоединения его к России. *Записки Одесского общества истории и древностей.* 15. 152–403.

Ткаленко, Н. С. (2022). «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство...»: пленные и беглые на Кубанском пограничье в 20-е годы XIX в. (по материалам Государственного архива Краснодарского края). *Гуманитарные и юридические исследования*. 2. 266–273.

Ткаленко, Н.С., Великая, Н.Н. (2022). О «пленопродавстве» на территории Северо-Западного Кавказа в 1822–1823 гг. *«Наука, образование, культура»*. *Международная научно-практическая конференция*. 201–205.

Шамрай, В.С. (1907). Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. *Кубанский сборник*. 12. 168–256.

Magsumov, T.A., Zufugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2021). The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”. *Bylye Gody*. 16(1). 97–109.

References

Adzhiniyazova, A.K. (2017). Slavery and slave trade among the Nogais from the 18th to the mid-19th centuries. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7(120). 175–179 (in Russian).

Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 7. (1878). Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 994 (in Russian).

Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 8. (1881). Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1009 (in Russian).

Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 9. (1885). Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1013 (in Russian).

Auzan, A.A. (2022). *Cultural codes of the economy. How values influence competition, democracy and the well-being of the people*. Moscow: «AST». 158 (in Russian).

Auzan, A.A. (2025). Cultural codes of the economy at the macro and micro levels. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 60(1). 3-18. DOI 10.55959/MSU0130-0105-660-1-1. (in Russian).

Dogovory Rossii s Vostokom politicheskiye i torgovyye (1868) [Treaties of Russia with the East, political and commercial]. Sobral i izdal T. Yuzefovich. Saint Petersburg. 296 (in Russian).

Dudarev, S.L., Dudarev, D.S. (2016). On the question of some forms of personal dependence among the highlanders of the North Caucasus within the functioning of the captive-owning structure in the first half of the 19th century. *Yugra, Siberia, Russia: political, economic, socio-cultural aspects of the past and present*. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation. Nizhnevartovsk, October 13-15, 2016. 157–160 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2016). Nogai Muhajirs (origins, causes and circumstances of resettlement). *Nogais: The XXI century of history. Language. Culture. From the origins to the future*. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference. Cherkessk, October 12-13, 2016 Cherkessk: Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev. 121–128.

Dzhumagulova, A.T. (2019). *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea Region in the socio-political and economic collisions of the 18th –1860s*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 248 (in Russian).

Inozemtseva, E.I. (2014). *The institution of slavery in feudal Dagestan: historical essays*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 297 (in Russian).

Klychnikov, Yu.Yu. (2020). The North Caucasian «hotbed» of the slave trade («prisoner-selling»): towards the problem statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1). 4–18. DOI 10.13187/slave.2020.1.4 (in Russian).

Kuz'minov, P.A. (2018). Social policy of the Russian government in the North Caucasus in the 18th — 60s of the 19th centuries. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 1(36). 7–14. DOI 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13 (in Russian).

Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2021). The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”. *Bylye Gody*. 16(1). 97–109 (in Russian).

Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. XXI. (1830). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1070 (in Russian).

Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. X. (1836). Division 1. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 917 (in Russian).

Russian State Military Historical Archive (in Russian).

Rudakovskiy, A.O. (1861). About Yasys. *Sankt-Peterburgskiye vedomosti*. 235 (in Russian).

Shamray, V.S. (1907). Historical note on the question of yasys in the North Caucasus and the Kuban region and documents related to this issue. *Kubanskiy sbornik*. 12. 168–256 (in Russian).

Smirnov, V.D. (1889). The Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman Porte, until its annexation to Russia. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 15. 152–403 (in Russian).

Tkalenko, N.S. (2022). «Those fleeing from the cruelty of the owners should be taken under protection...»: prisoners and fugitives in the Kuban border region in the 1820s (based on materials from the State Archive of the Krasnodar Territory). *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2. 266–273 (in Russian).

Tkalenko, N.S., Velikaya, N.N. (2022). On «prisoner-selling» in the territory of the North-Western Caucasus in 1822-1823. «*Science, education, culture*». International Scientific and Practical Conference. 201–205 (in Russian).

Velikaya, E.V. (2011). The struggle of the Russian administration against the slave trade in the North-Eastern Caucasus in the first half of the 19th century. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 10. 37–42 (in Russian).

Vinogradov, V.B., Klychnikov, Yu.Yu. (2001). On the problem of smuggling and «prisoner-selling» in the Caucasus in the 19th century. *Voprosy Severokavkazskoy istorii*. 6(1). 45–49 (in Russian).

Zhukov, V.D., Rustemov, O.D., Sheykhumerov, A.A. (2021). Slaves and the slave trade in the Crimean Khanate. *History of the Crimean Tatars: in 5 volumes. Vol. III. The Crimean Khanate of the 15th–18th centuries*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 527–534 (in Russian).